

Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций»

WORLD PUBLIC FORUM
DIALOGUE
OF CIVILIZATIONS

Архив

2010_07_CHINA_Mikhail_Delyagin_RUS	
Конференция:	Диалог цивилизаций и гармоничный мир
Автор:	Михаил Геннадьевич Делягин
Статус:	Директор Института проблем глобализации, д.э.н.
Тема выступления:	Мировой финансовый кризис как симптом качественного перехода человеческой цивилизации
Дата:	11-13 июля 2010 г.
Место:	Пекин (КНР)

Мировой финансовый кризис как симптом качественного перехода человеческой цивилизации

1. Глобальный кризис перепроизводства: как были выиграны полтора десятилетия

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается из-за игнорирования его фундаментальной причины – исчерпанности модели глобального развития, созданной в результате уничтожения Советского Союза. После победы над нами в «холодной войне» Запад эгоистично перекроил мир в интересах своих глобальных корпораций, лишив (для недопущения конкуренции с этими корпорациями) свыше половины человечества возможности нормального развития. По своим масштабам, глубине и разрушительности преобразований для осваиваемых обществ, но главное – по своему значению для развитых стран это была вторая Конкиста: если первая обеспечила ресурсами формирование в них классического капитализма, то вторая обеспечила ресурсами глобализацию.

Лишив половину человечества возможностей развития, Запад при помощи глобальной рекламы навязывает ей представления о высочайшем для себя уровне потребления как о нормальном и необходимом. Осознание недоступности этого уровня потребления с конца 90-х годов усугубило глобальную напряженность, терроризм и буквально смывающую западную цивилизацию миграцию.

Однако прежде всего лишение огромной части человечества возможностей развития ограничило сбыт самих развитых стран, создав **кризис перепроизводства** – правда, в первую очередь не традиционной продукции, а преимущественно продукции информационных и управленческих технологий, *high-hume'a*, а не *high-tech'a*.

Нащупанное в качестве выхода из этого кризиса стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира вызвало в 1997-1999 годах кризис его долгов, бумерангом ударивший по США в 2000-2001 годах. США вытащили себя (и мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся депрессии двумя стратегиями.

Первая – «экспорт нестабильности», подрывающий конкурентов, отнимающий их рынки сбыта, вынуждающий их капиталы и интеллект бежать в «тихую гавань» - США. Рост нестабильности оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономику и технологии («военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом). Реализованная в 1999 году в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке. Сейчас США дестабилизируют Пакистан, нанося удар по Ирану и, главным образом, по Китаю, который лишается своего влияния в Пакистане, строящегося крупнейшего нефтяного порта Гвадар (а с ним и критически значимых поставок иранской нефти), и, вероятно, военной базы. События в Пакистане - признак вырождения стратегии «экспорта нестабильности» в контрпродуктивный для США «экспорт хаоса»: они даже не пытаются контролировать

дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса и создавая реальную угрозу ядерной войны Пакистана с Индией, а Израиля – с Ираном.

Второй стратегией поддержки экономики США была «накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов. Созданный ей финансовый пузырь «пополз по швам» еще летом 2006 года, но многоуровневость финансовой инфраструктуры США привела не к мгновенному краху, но к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только в сентябре 2008 года.

Сегодня Запад пытается не повысить свою конкурентоспособность, но запихнуть мир обратно в уходящие навсегда 90-е и 2000-е годы, когда под прикрытием разговоров о глобализации сложился новый колониализм.

Органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же стратегических проблем, их поистине убийственный эгоизм выталкивает на авансцену мирового развития новых участников – Евросоюз, Китай и Россию, и кладет конец *Pax Americana*.

Пора создавать новую глобальную финансовую систему. Насущные изменения, сформулированные еще в кризисе 1997-1999 годов, вполне реализуемы технологически – если забыть о политически блокирующем их противоречии текущим интересам США. Это:

- *обеспечение прозрачности движения спекулятивных капиталов (в перспективе – и всех глобальных корпораций с созданием глобального наблюдательного, а затем и регулирующего органа);*
- *превращение налога на вывод спекулятивного капитала из экстремальной меры (в кризисе 1997-1999 года он спас Чили и Малайзию) в признанный мировым сообществом инструмент, применяемый при заранее известных условиях;*
- *приведение влияния различных стран на политику глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка) в соответствие их удельному весу в мировой экономике (что означает снижение влияния США и рост влияния Китая);*
- *обеспечение прозрачности работы МВФ и Мирового банка, вплоть до открытой публикации и обсуждения их методических материалов (в том числе на стадии разработки);*
- *превращение «большой восьмерки» в орган глобального регулирования, что требует включения в нее всех стран с ВВП не ниже некоторого уровня (при «пороге» в 0,9 трлн.долл. G8 становится G16 за счет Китая, Бразилии, Испании, Индии, Мексики, Австралии, Южной Кореи и Нидерландов), а главное - выработки процедуры принятия обязательных для всех его членов решений.*

Интеграция человечества вновь, как в начале XX века, превысила возможности его управляющих систем, и теперь приходится уменьшить ее глубину, отступив назад и восстановив управляемость за счет примитивизации развития.

Это обернется переходом от глобализации к регионализации: формированию макрорегионов, жестко конкурирующих между собой культурно, политически, хозяйственно и технологически.

Временно равновесие будет достигнуто восстановлением биполярной системы (с противостоянием США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, возможно, России в качестве совокупного балансира – специфичного аналога Движения неприсоединения) в политике и поливалютной – в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту).

Но фундаментальная проблема современного развития заключается не в эгоизме США, не в нехватке ликвидности, не в кризисе долгов и даже не в системной утрате собственниками контроля за собственными топ-менеджерами (что означает **уничтожение частной собственности** на средства производства в ее традиционном понимании), но **в отсутствии источника экономического роста США**, а с ними – и всей мировой экономики. Оздоровление финансов не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий и не создаст новый экономический двигатель взамен разрушившихся. Это означает, что **из кризиса мировая экономика выйдет не в восстановление, но в депрессию, длительную и тяжелую.**

2. Глобальные монополии против технологического прогресса

Фундаментальная причина мировой депрессии, первопричина кризиса перепроизводства – загнивание глобальных монополий.

Их монополизм усугубляется распространением высокопроизводительных «метатехнологий»: субъект рынка, используя их, автоматически теряет возможность конкуренции с их разработчиком.

Усложнение технологий ведет к тому, что **деньги теряют значение**. Символом успеха и инструментом его достижения все больше становятся не легко отчуждаемые деньги, но сливающиеся с разработчиком и пользователем, все менее отчуждаемые от них технологии.

Несмотря на эту новизну, загнивание глобальных монополий будет, скорее всего, преодолеваться так же, как и загнивание монополий обычных: сменой технологического базиса, в ходе которого новые, более производительные технологии сломают устарелые социальные отношения и, в частности, преодолеют монополизм.

Глобальные монополии ощущают это и стремятся затормозить способный подорвать их доминирование технологический прогресс.

Впрочем, прежде всего он тормозится по объективным причинам: из-за экономизации и деидеологизации общественного управления и исчезновения некоммерческих сверхзадач. Ведь инвестиции в создание качественно новых технологических принципов нерыночны по определению: инвестор не знает, получит ли он за свои деньги хоть что-нибудь, а если получит – то когда и что именно. Такие инвестиции можно делать лишь под страхом смерти (поэтому военные расходы – лучший способ стимулирования технологического прогресса); предпринятая в 90-е попытка заменить его страхом отложенной смерти и

превратить в локомотив развития медицинские технологии провалились под тяжестью appetites монополий: страх отложенной смерти оказался недостаточной мотивацией.

В результате все технологические новинки современности - плоды коммерциализации технологических решений «холодной войны». Новые технологические принципы почти не создаются.

Однако свою роль играют и глобальные монополии, которые создают все более сложные и дорогие технологии, - в том числе потому, что их разработка вне данных монополий невозможна из-за сложности и дороговизны. При этом они попадают в собственную ловушку: сложность организационных процессов начинает превышать даже их управленческие возможности, а рыночная ориентация на результат сужает возможности прорывных исследований.

Глобальные монополии (в том числе злоупотреблением своим положением под видом защиты интеллектуальной собственности) препятствуют распространению знаний, что также усложняет технологический прогресс.

Уверенность в неизбежности радикального упрощения и удешевления господствующих технологий основана на невозможности длительного масштабного торможения технологического прогресса и очевидности тупика, в который привело мир доминирование уже загнивающих глобальных монополий.

3. Негативный и позитивный пути изживания глобального монополизма: выбор современного человечества

Социальные механизмы, искусственно (то есть в отсутствие природных предпосылок к этому) сдерживающие технологический прогресс, разрушаются им.

Однако, когда эти механизмы (в нашем случае – глобальные монополии) оказываются достаточно прочны, они могут разрушаться вместе с самим охваченным и «замороженным» ими обществом. Это возможно под ударами внешних завоевателей, из-за экологических катаклизмов, вызванных чрезмерным воздействием на природу, а также в случае генерирования ими внутренней дестабилизации общества – через социальные или этнические конфликты.

Одним из нетривиальных промежуточных выходов из ситуации недостаточности спроса для развития чрезмерно сложных технологий, контролируемых монополиями, может стать сужение сферы их применения при сохранении прежних доходов разработчиков технологий – глобальных монополий. Это возможно в случае новой интенсификации злоупотребления монопольным положением: если потребители сложных технологий будут вынужденно оплачивать разработку новых технологий, несущих благо уже не им, но наиболее развитой части человечества. Возможно, эти технологии будут призваны ускорить развитие этой части человечества, которая принципиально изменится и перестанет нуждаться в традиционных формах конкуренции и кооперации.

Это звучит фантастично – но лишь в отношении биологической, индивидуальной эволюции человека. В эволюции социальной это уже произошло в виде создания системы защиты «интеллектуальной собственности» и общедоступных технологий формирования сознания. Последние технологии применяются всеми и против всех, но основная часть дохода достается их разработчикам.

При распространении этих же отношений на биологическую эволюцию человека обеспеченная часть граждан развитых стран и богатейшие жители остального мира смогут усовершенствовать свой организм и, вероятно, свой интеллект.

В силу их возросшей эффективности остальной мир превратится в их «дойную корову» - и, при вероятном сохранении формальных демократических институтов, будет иметь не больше реальных прав, чем это животное.

Тогда подавляющая часть глобального спроса (как это происходит сейчас в неразвитых обществах) сконцентрируется у количественно незначительной, но доминирующей экономически и политически богатейшей элиты с выделением из общества ее обслуги. Остальные будут сброшены в нищету.

Эффективное рыночное поведение в таком обществе - ориентация на спрос богатых, готовых переплачивать за престижность потребления, что уродует структуру производства, подрывая эффективность общества и его способность к развитию.

Это исторический тупик, выход из которого связан с чудовищными катаклизмами (Францию, например, трясло революциями почти сто лет – как минимум с 1789 по 1871 год). Разложившись, человечество может и погибнуть в нем.

Выбор между разрушением глобальных монополий за счет распространения эффективных и при этом общедоступных технологий и концентрацией технологического прогресса в богатейших обществах – с вероятными разрушительными катаклизмами - и является выбором современного человечества.

Рассматривая выбор между «железной пятой» немногочисленной биологически преобразованной мировой элиты и созданием для максимально широкой части человечества максимального спектра возможностей, надо понимать, что он в любом случае не избавит нас от болезненных изменений.

Более приемлемая модель относительно доступных технологий обладает массой недостатков и также несправедлива. Достаточно осознать, что общедоступность технологий резко снижает потребность в глобальном разделении труда и, повышая уровень самообеспечения обществ, драматически подрывает мировую торговлю.

Однако она все равно **более эффективна и справедлива, так как оставляет возможности развития, самореализации и благосостояния неизмеримо большему числу отдельных людей, обществ и, соответственно, человечеству в целом.**

Необходимый для слома глобального монополизма технологический рывок может идти за счет технологий, получивших название «закрывающих» (так как из-за их сверхпроизводительности емкость создаваемых ими новых рынков в краткосрочной перспективе ниже емкости рынков традиционных технологий, «закрываемых» их появлением).

Исторически «закрывающие» технологии наиболее концентрированно разрабатывались в ходе специальных исследований в Советском Союзе. В развитых странах такие разработки частью не велись вовсе (из-за своей опасности для рыночных механизмов и потому, что рыночная экономика не позволяет массово тратить ресурсы на слишком рискованные разработки), а частью блокировались инструментами «защиты интеллектуальной собственности». С точки зрения эволюции технологий разрушение СССР выглядит как захоронение смертельно опасных для развитого мира технологий - своего рода аналогии бактерий чумы - в одном гигантском могильнике.

В сегодняшней России глобальные и российские монополии в союзе с коррумпированной бюрократией блокируют распространение «закрывающих» технологий. Однако их значительная часть сохраняется, и потому Россия сохраняет возможность сыграть ключевую роль в выборе человечества между длительным и мучительным загниванием или же сломом глобального монополизма при помощи распространения новых, «закрывающих» технологий.

4. Закон сохранения рисков: природа переформатирует отношения с человеком

Безумный рост американских производных ценных бумаг, раздача заведомо безвозвратных ипотечных кредитов и многоуровневая «перепакровка рисков», ставшие непосредственными причинами глобального финансового кризиса, производят шоковое впечатление.

Трудно понять, почему инвестиционных банкиры большинства развитых стран – рациональные и профессиональные люди – даже не интересовались, чьи обязательства и в какой степени входят в приобретаемые ими финансовые продукты.

Стандартные объяснения, помимо естественной для спекулянта алчности, указывают на потребность США в накачивании «финансового пузыря» для стимулирования роста. Кроме того, увеличение ипотеки было замаскированной социальной помощью, необходимой в условиях размывания американского «среднего класса».

Однако не менее важно понимать, что многоуровневая «перепакровка рисков», приведшая к утрате контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую функцию страхования рисков инвесторов.

И на этом пути было достигнуты выдающиеся успехи: благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора в первоклассные облигации американской корпорации были на порядок ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло получать практически гарантированную доходность, и именно выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило раздувание «финансового пузыря».

США столкнулись с действием закона сохранения рисков, по которому **общая величина рисков в большой системе примерно постоянна**. Снижение индивидуальных рисков значимого числа элементов системы перекладывает эти риски на более высокий уровень – и, соответственно, увеличивает общесистемные риски. В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски до разрушения системы.

Именно это произошло в американской финансовой системе, - но это же происходит и с человечеством в целом!

Так, постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяя жить все более полноценной жизнью даже самым больным людям, ухудшая тем самым генофонд человечества, повышает системные риски за счет снижения индивидуальных.

Другим фактором проявления «закона сохранения рисков» представляется изменение климата. Обеспечивая индивидуальный комфорт своих членов, человечество нарастило производство энергии до уровня, нарушившего климатический баланс планеты и создавшего качественно новые глобальные риски, масштабы которых не поддаются оценке.

Рост стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации, рост не поддающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний, ухудшение психологического состояния людей, падение качества управления, рост вооруженных конфликтов, - каждое из этих явлений имеет собственное объяснение.

Но в целом они складываются в картину роста неблагополучия, свидетельствующую об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с природным комплексом, частью которого оно является. Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к новой модели, которая еще непонятна для нас, но может потребовать изменений привычного нам образа жизни.

Нельзя исключать и опасности деструкции не способного справиться с нарастанием своих системных рисков человечества, то есть радикального упрощения его организации, десоциализации на планетарном уровне.

* * *

Это далеко не все кризисы, переживаемые современным человечеством. Позволю себе просто перечислить лишь некоторые из не рассмотренных:

- кризис демократии – как формальной, так и содержательной: помимо прочего, она блокирует технологическое развитие;
- снижение познаваемости мира;
- падение социальной значимости знания с вырождением науки в систему поддержания социального уклада т.н. «научных работников», а образования – в инструмент социального контроля;
- вытеснение логического мышления мистическим;

- кризис систем управления;
- высокопроизводительность постиндустриальных технологий, которые делают лишним «средний класс» и ставят нас перед выбором между решением людоедской задачи его социальной утилизации (с разрушением рынка и демократии) и отказом от развития ради получения прибыли.

Что это означает? – переход человечества в качественно новое состояние.

**5. Не «много кризисов», но «один переход»:
на смену «Вашингтонскому консенсусу»
должен прийти Московский либо Пекинский.**

Все социальные отношения – от семьи до глобальной конкуренции - приспособлены к индустриальным технологиям; они начали перенастраиваться на постиндустриальные.

Более того: на всем протяжении своей истории человечество меняло окружающий мир. Главным вектором развития становится изменение собственного сознания, - и это тоже меняет социум.

Осознание описанного делает необходимой выработку новой парадигмы социально-экономического и технологического развития человечества и механизмов воплощения этой парадигмы в жизнь.

«Вашингтонский консенсус» оформил правила игры, максимально отвечавшие сути 90-х годов – освоению развитыми странами постсоциалистического пространства. Этот процесс давно закончен, и нынешний кризис - в том числе и кризис модели развития, выработанной для этого процесса и намного его пережившего.

Наступил новый этап, для которого нужна новая идеология, новый свод правил взамен Вашингтонского консенсуса («новые Бреттон-Вудские соглашения» невозможны из-за слишком большой детализации: сначала надо определиться с принципами).

Глобальный кризис во многом вызван тем, что погоня за индивидуальной прибылью как доминанта поведения стала контрпродуктивной, разрушающей общества и человечество в целом. Нужно формирование новых мотивации и типа мышления, которые выведут человечество из тупика не за счет подавления той или иной его части, а благодаря общему прогрессу.

В новой эпохе развития человечества необходимо:

1. Осознать его суть (не характер его саморазрушения, а именно ключевую идею, тенденцию нового периода развития) и выразить ее в виде идеологемы.
2. Определить модель предстоящего развития человечества.
3. Определить основные проблемы (противоречия), которые предстоит решать в рамках этой модели, и которые будут определять (как источники и как рамки) развитие в рамках этой модели.
4. Выработать конкретные рекомендации и «правила игры» для международных организаций, правительств и бизнеса разного уровня (транснационального, национального, межрегионального) – аналог

Вашингтонского консенсуса («Московский консенсус» или, раз уж мы собрались в Пекине, а в Москве эта потребность не находит понимания, - «Пекинский консенсус»).

5. Формировать общественное мнение и господствующие в элитах различных обществ представления, направленные на гармонизацию развития человечества в новых условиях.

